

Евгений Трофимов

«ГРАЖДАНСКИЙ КОНТРОЛЬ»  
В МОНОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИИ  
(НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

*В статье, на примере Российской Федерации, рассматривается «гражданский контроль» в моноцентрической политике. Отмечается, что в моноцентрических системах институт гражданского контроля имеет фантомный характер и связан со служением *stato*. «Гражданский контроль» в России ориентирован в направлении сверху–вниз; декларированные политические права населения применительно к контролю за «государством» и «нанимаемыми» органами нуллифицированы как законодательной нормой, так и политической, экономической и социокультурной средой. Фактическое отсутствие у индивидуумов контрольный полномочий ведет к нарастанию разбалансированности системы «государство – "граждане"» и усилению процессов негативной политической нестабильности в России. Цель исследования заключается в политологическом анализе основных видов «гражданского» контроля в России. Гипотеза исследования: «гражданский контроль» в России носит фантомный характер и укладывается в рамки подданического дискурса – сохранение центрального положения суверена в моноцентрической политике. Методы исследования: диалектический, формально-правовой, социологический, сравнительный.*

**Ключевые слова:** моноцентризм, гражданский контроль, подданичество, выборы, референдум, политическое участие, политический протест, доносительство, общественная экспертиза.

**Євген Трофімов.** «Громадський контроль» у моноцентричній політії (на прикладі Російської Федерації). У статті, на прикладі Російської Федерації, розглядається «громадський контроль» в моноцентричній політії. Відзначається, що в моноцентричних системах інститут громадського контролю має фантомний характер і пов'язаний зі служінням *stato*. «Громадський контроль» в Росії орієнтований у напрямку зверху-вниз;

декларовані політичні права населення стосовно контролю за «державою» і «найманими» органами нуліфіковані як законодавчою нормою, так і політичним, економічним і соціокультурним середовищем. Фактична відсутність у індивідів контрольних повноважень веде до наростання розбалансованості системи «держава - "громадяни"» і посилення процесів негативної політичної нестабільності в Росії. Мета дослідження полягає в політологічному аналізі основних видів «громадського» контролю в Росії. Гіпотеза дослідження полягає у тому, що «громадський контроль» в Росії носить фантомний характер і укладається в рамки дискурсу підданства - збереження центрального положення суверена в моноцентричній політії. Методи дослідження: діалектичний, формально-правовий, соціологічний, порівняльний.

**Ключові слова:** моноцентризм, цивільний контроль, підданство, вибори, референдум, політична участь, політичний протест, доносительство, громадська експертиза.

***Evgeny Trofimov. "Civil control" in the monocentric polity (the case of the Russian Federation).*** The article, on the example of the Russian Federation, deals with "civil control" in monocentric polity. It is noted that in monocentric systems, the civil control institution has a phantom character, associated with the service of stato. "Civil control" in Russia is oriented in the top-down direction. The declared political rights of the population to control the "state" and "hired" bodies are nullified both by the legislative norm, and by the political, economic and socio-cultural environment. The actual lack of control powers among individuals leads to an increase in the imbalance of the "state-to-citizens" system and to the intensification of the processes of negative political instability in Russia. The aim of the research is to make a political analysis of the main types of "civil" control in Russia. Research hypothesis: "civil control" in Russia is phantom in nature and falls within the scope of the subject discourse - the preservation of the central position of the sovereign in monocentric polity. Research methods: dialectical, formal-legal, sociological, comparative.

**Key words:** monocentrism, civil control, allegiance, election, referendum, political participation, political protest, whistleblowing, public expertise.

Реализуя политические права и свободы, граждане обеспечивают контроль за функционированием политической системы и ее важнейшим институтом – государством. Контроль населения за государством и другими политическими акторами не только ограничивает властные устремления последних, но и позволяет гражданам создавать благоприятный режим для удовлетворения собственных интересов, тем самым способствуя развитию политической системы, ее институтов и отношений в выгодном для себя направлении.

Возможность удовлетворения индивидуумами собственных интересов может возникать только в благоприятной социально-политической атмосфере, где гражданин рассматривается автономным самодостаточным субъектом, находящимся в равном положении с другими и, базовой субстанцией по отношению к их объединениям – от государства до групп по интересам. **Частный, а не общий интерес лежит в основе гражданского контроля.**

В России индивидуальное уступает место коллективному и, не редко, «государственному», что приводит к подмене гражданского контроля «общественным», в котором растворены и модифицированы личные интересы индивидуумов [24, с. 17; 40, с. 289]. Стремление «государства» нивелировать личные интересы граждан-подданных, подменить их «общественными», обусловлено заинтересованностью *stato*сформировать «ложную тоталитарную религию, религию авторитарного коллективизма» [5, с. 297].

Индивидуум в системе авторитарного коллективизма становится изгоем, «маленьким человеком», рассматривающим политику как особую сферу жизни общества, не связанную с его интересами. Он не стремится к взаимодействию с «государством» и, тем более, противодействию ему, покорно смиряется с действиями Левиафана, вне зависимости от степени их репрессивности. В этом плане следует согласиться с профессором Университета Род-Айленд (США) Н. Петро утверждающим, что русский народ преклоняется перед своими лидерами (царем-батюшкой, генеральными секретарями ЦК КПСС); не стремится участвовать в управлении страной и потому является легко манипулируемым; что у россиян существует врожденная предрасположенность к авторитаризму, если не тоталитаризму [31, с. 36-51]. Даже в сталинский период в России не было массовых протестов против

диктатора, «граждане» поддерживали решения вождя и, одновременно, не питали склонности к их исполнению. Во все времена, с помощью репрессий и насилия, подавляя «Я», суверен-государство заставляло подданных приспосабливаться к чуждой их интересам системе, которую единолично выстраивало в угоду личным прихотям. Стереотипы и стандарты культуры человека царской России, перетекли в культуру советского человека, а, в дальнейшем, «новый» культурный комплекс – в культуру современного россиянина, пассивно воспринимающего действия «государства»; ... а если «не нравится – уезжайте» [8].

В системе, в которой от населения ничего не зависит, закономерно воспроизводится нежелание граждан-подданных контролировать процесс исполнения «государственных» решений и осуществлять контроль за функционированием политической системы и составляющих ее элементов.

Российские граждане-подданные наиболее активно участвуют в «выборах», обращаются с индивидуальными и коллективными петициями в органы «государственной» власти и ОМСУ, участвуют в протестном движении и т. д. (Таблица 1. [46]. Данные способы участия населения в функционировании политики одновременно являются и основными формами контроля населения за направленностью политического процесса и функционированием политических акторов. Вместе с тем, в рамках российской политической парадигмы, контроль населения за «государством» условен и представляет собой, как в случае с «выборами», так и в случае с индивидуальными обращениями и петициями, а также протестным движением – индикатор лояльности населения суверену и его «учреждениям». Лояльность максимальна-положительна в случае, когда индивидуумы осуществляют контроль за себе подобными с целью обеспечения внешней стабильности в функционировании политической системы, участвуют в «выборах» и других легитимирующих «государство» и его деятельность процедурах; и минимальна-отрицательная, в случае, использования права на протестные действия; но во всех случаях «гражданский контроль» в России – пародия на гражданский контроль, существующий в демократических странах.

Таблиця 1

**Участие граждан в политической жизни страны  
(в процентах, %)**

*Распределение ответов на вопрос: «Лично Вам приходилось за последний год участвовать в общественной и политической жизни? (закрытый вопрос, любое число ответов)» и «Лично Вам приходилось за последние 5 лет участвовать в политической жизни? (любое число ответов)\*»*

	2004	2005	2006	2007	2008	2011	2013	Ср.З	Амурская область, % (чел.)		
									05.15	04.16	Ср.З
Участвовал в выборах в органы власти различных уровней	55	44	32	43	40	27	48	<b>41,29</b>	52,26 (165)	59,66 (173)	<b>55,96</b>
Подписывал коллективные обращения, петиции	4	3	2	3	3	1	4	<b>2,86</b>	26,58 (84)	20,00 (58)	<b>23,29</b>
Участвовал в проведении избирательной кампании	8	5	5	10	4	2	4	<b>5,43</b>	14,56 (46)	6,55 (19)	<b>10,56</b>
Участвовал в митингах, демонстрациях, пикетах	5	3	4	7	2	1	3	<b>3,57</b>	18,35 (58)	7,59 (22)	<b>12,97</b>
Участвовал в деятельности общественных организаций	2	2	1	4	2	1	2	<b>2,00</b>	11,71 (37)	5,52 (16)	<b>8,62</b>
Участвовал в деятельности профсоюзных организаций	4	3	1	10	2	1	2	<b>2,29</b>	11,39 (36)	9,66 (28)	<b>10,53</b>
Участвовал в деятельности политических партий	2	1	1	2	1	0	1	<b>1,14</b>	7,59 (24)	3,45 (10)	<b>5,52</b>
Участвовал в забастовках	2	1	1	2	1	0	1	<b>1,14</b>	3,80 (12)	2,41 (7)	<b>3,11</b>
Ни в чем из перечисленного не участвовал	32	47	52	39	45	61	39	<b>45</b>	23,73 (75)	28,28 (82)	<b>26,01</b>
Другое	1	1	1	1	0	1	0	<b>0,71</b>	0 (1)	0 (0)	<b>0</b>
Затрудняюсь ответить	1	3	1	2	2	1	2	<b>1,71</b>	2,5 (8)	0,69 (2)	<b>1,60</b>

\* Вопрос: *Лично Вам приходилось за последние 5 лет участвовать в политической жизни? (любое число ответов)* был задан жителям экспериментального региона. Цель исследования заключалось в выявлении общей картины реализации гражданами политических прав.

**Контроль подданных за себе подобными** проявляется в виде доноительства. Доноительство является не только проявлением высшей степени лояльности суверену, но и обязанностью подданных. Во все времена доноительство в России было тотальным, доносили все. Данная проблема достаточно исследована [12; 21; и др.], поэтому остается отметить, что доноительство в России является важным элементом участия населения в жизни общества и всемерно поддерживается «государством», в первую очередь как механизм имитации активности гражданского общества и легитимности репрессивного правоприменения [7]. Показательно, в плане поддержки доноительства «государством», принятие в июне 2015 года ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пенсионного обеспечения некоторых категорий граждан», предусматривающего пенсионное обеспечение для лиц, сотрудничающих по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в качестве основного рода занятий [25]; внесение в июне 2016 года законодательной инициативы членами федерального парламента И. А. Яровой и В. А. Озерова в «нижнюю» палату российского парламента по дополнению Уголовного кодекса статьей «Несообщение о преступлении»; создание сервера «РОСДОНОС.РФ», позволяющего россиянам направлять анонимные «донесения» в Администрацию Президента РФ, Государственную Думу РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, Следственный Комитет РФ, Московский Патриархат РПЦ.

Ради справедливости заметим, что доноительство («*Whistleblowing*») развито в США. В «стране свободы» существуют законодательные механизмы поощрения осведомителей; на компании возлагаются обязанности по выплате «*whistleblowing*» значительного «выходного пособия», в случае их увольнения; осведомители находятся под охраной закона, и угрозы в их адрес, ущемление или нарушение прав из мести за доноительство караются. Разница в том, что доноительство в США, в первую очередь, направлено на защиту публичных (общественных) интересов: прецедентная практика судов отдельных штатов США свидетельствует о применении законов, защищающих права доноисителей, только в случаях сообщений о нарушении законов, охраня-

ющих благо общества в целом – общественные мораль и нравственность, безопасность и здоровье граждан, экологическую обстановку [48]; в России доносительство связано в большей мере с нейтрализацией «государственных» оппонентов, «внесистемников», предлагающих альтернативные «государственным» проекты развития.

**«Выборы»** – вторая форма «контроля» населения за состоянием политической системы. «Выборы» в России не являются актом гражданской воли, а представляют собой легитимацию принятого «государством» решения, «игру» или «ритуал», направленный не на обеспечение контроля за деятельностью Левиафана и функционирование политической системы, а на демонстрацию доверия / недоверия суверену и приближенному к нему сословию; повод манипулирования для «государства» и время новых надежд для подданных.

В условиях современной организации Российского «государства» «выборы» способны выполнять исключительно функцию легитимации Левиафана и его «учреждений». Данная ситуация наблюдалась не только в царской России, но и в СССР [39].

Политическая традиция и связанный с ней инструментальный характер «выборов» ведет к тому, что для россиян «выборы» как способ контроля не являются ценностью: по данным "Левада-Центра", только 13 % россиян рассматривают «выборы» в качестве возможности решения собственных проблем [29]. В зависимости от уровня процедуры легитимации и других факторов в «выборах» участвует от 20 до 60 % электорально активного населения, но, как свидетельствует опрос «Левада-Центра», проведенный после выборы в Государственную Думу 4 декабря 2011 года (опрос декабря 2011 и января 2012 года), только 5 % и 8 % россиян считают «выборы» честными, 30 % и 35 % – скорее честными, чем не честными; в полной мере итоги «выборов» считают не сфальсифицированными 12 % и 10 %, в значительной мере отвечающие действительным результатам голосования – 40 % и 38 %. Скорее не честными, чем честными, считают выборы 30 % и 23 % опрошенных; 15 % и 14 % – нечестными, а итоги голосования довольно далекими от действительности – 21 % и 26 %, ничего не имеют общего с действительностью / полностью сфальсифицированными – 8 % и 8 %. 20 % и 19 % затрудняются ответить на вопросы о

честности выборов и несфальсифицированности итогов голосования. При этом только 4 % и 3 % россиян согласны определенно поддержать массовые акции протеста против избирательных фальсификаций, 11 % и 10 % – скорее да, 30 % и 31 % – скорее нет, 47 % и 47 % – определенно нет, 9 % и 9 % затруднились с ответом [38].

Интересно в этом плане обратиться к оценке россиянами увеличения президентского и депутатского сроков, под которым, согласно демократического дискурса, следует понимать ограничение контроля граждан. «Если избирательная кампания в стране назначается редко, – отмечал А. де Токвиль, государство всякий раз подвергается риску больших потрясений <...> Когда выборы назначаются часто, это сохраняет в обществе лихорадочное возбуждение и неустойчивость в общественных делах. Из этих двух зол американцы выбрали второе» [44, с. 164], россияне – согласились с усилением суперпрезидентализма. По данным "Левада-Центра" 60 % россиян высказались за увеличение президентских полномочий с 4 до 6 лет; против данного увеличения выступили 26 % и затруднились с ответом 14 %; за увеличение полномочий депутатов Государственной Думы России с 4 до 5 лет высказались 41 % россиян, против – 42 %, затруднились с ответом – 18 % [35].

Заметим, что 6-летний срок президентских полномочий существует только в Австрии (в Ирландии – 7 лет), но полномочия президентов Австрии и Ирландии ограничены системой «сдержек и противовесов»; в 2000 году срок полномочий президента Франции был сокращен с 7 до 5 лет; в 2005 году президентские полномочия с 6 до 4 лет сократили в Чили.

**Референдум** в России как способ контроля за «государством» в процессе укрепления «вертикали власти» *de facto* прекратил существование. Данная проблема достаточно освещена в статье «Проблемно-праксиологические аспекты реализации гражданами РФ права на референдум: политологическое исследование» [45], поэтому остановимся на перечислении основных механизмов ограничения «государством» права населения на референдум, в основном касающихся процедуры его инициирования.

Анализ референдумного законодательства (ФКЗ «О референдуме ...» [26] и ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федера-



ции» [27]) позволяет заключить: а) о его дефективности. Так, в соответствии с законодательной нормой, инициатива проведения федерального референдума принадлежит «не менее чем двум миллионам граждан Российской Федерации (!), имеющим право на участие в референдуме, при условии, что на территории одного субъекта Российской Федерации или в совокупности за пределами территории Российской Федерации находится место жительства не более 50 тысяч из них». Очевидно, что указание на численный состав инициаторов федерального референдума – «... не менее двух миллионов...» является законодательным дефектом, признание юридической правильности которого означает фактический запрет на проведение федеральных референдумов в России; б) завышенных требованиях «государства» к инициаторам проведения референдумов и соответствующим процедурам по его инициированию, нуллифицирующим право населения на референдум. Во-первых, для проведения федерального референдума его инициаторы обязываются образовывать инициативные группы по проведению референдума из региональных подгрупп, созданных не менее чем в половине субъектов Федерации при численности каждой региональной группы не менее 100 участников референдума. Требования по территориальной организации и численному составу региональных групп по инициированию референдума не только не дополняются нормами, исключающими давление федерального и регионального «государств» на его инициаторов, что в условиях доминирования неформальных практик могут привести к ликвидации региональных групп и прекращению процедуры инициирования референдума, но и умаляют права граждан на референдум, лишая группы граждан численностью менее 100 человек выступать инициаторами федерального референдума, менее 20 и 10 человек – регионального и местного референдумов, соответственно.

Во-вторых, «государство» лишает права инициировать федеральный референдум общероссийским объединениям и вводит запрет на участие в референдуме международных организаций и международных общественных движений. Запрет на инициирование федерального референдума, как российскими, так и международными общественными объединениями и движениями,

действующими в России, ставит под сомнение статус их членов – граждан России, обладающих правом влиять на политический процесс в стране, как в отдельности, так и объединившись в союзы.

В-третьих, при иницировании федерального референдума «государство» требует нотариального заверения подписей участников собрания региональной подгруппы; устанавливает сроки для формирования группы по иницированию федерального референдума – «не позднее чем через два месяца со дня регистрации первой региональной подгруппы»; вводит запрет на регистрацию иной региональной подгруппы, если в субъекте Федерации зарегистрирована региональная подгруппа с такой же по смыслу или содержанию формулировкой вопроса. Очевидно, что нотариальное заверение подписей участников собрания региональной группы по проведению референдума и запрет на создание региональных групп с такой же по смыслу или содержанию формулировкой вопроса создают дополнительные препятствия на пути его проведения. Вряд ли в первом случае речь может идти о «чистоте» проведения собрания, инициаторы которого заинтересованы в регистрации региональной группы и, соответственно, предупреждении фальсификации, которая может явиться основанием для прекращения деятельности, связанной с проведением референдума. В случае установления сроков для формирования группы по иницированию федерального референдума, а также запрета на регистрацию иной региональной подгруппы, выдвигающей схожие по смыслу или содержанию вопросы, «государство» получает возможность заблокировать проведение референдума, используя политико-административные, экономические и иные механизмы.

В-четвертых, «государство» обладает существенным потенциалом для воспрепятствования проведению референдума на стадии сбора подписей инициаторами проведения референдумов. Требования, что сбор подписей в поддержку проведения федеральных референдумов осуществляется «... исключительно членами инициативной группы» и «... только на территориях тех субъектов Российской Федерации, избирательными комиссиями которых были зарегистрированы региональные подгруппы», ограничивает организационные возможности гражданской инициативы по

организации и проведению референдума<sup>‡</sup>. В свою очередь, запрет сбора подписей в поддержку федерального референдума в регионах, за исключением тех, где были зарегистрированы региональные группы, также лишает возможности граждан РФ, проживающих в других субъектах Федерации, выразить поддержку проведения референдума, и ставит вопрос об их равноправии.

В-пятых, срок сбора подписей в поддержку федерального референдума – 45 дней (ранее 3 месяца) занижен. Например, сбор подписей для выдвижения вопроса на общенациональный референдум в Швейцарии определен восемнадцатью месяцами, а для проведения факультативных референдумов, позволяющим швейцарцам опротестовать любое решение законодательных органов страны – три месяца, при этом количество подписей уменьшается в 2 раза [41, с. 91].

В-шестых, существенным препятствием на пути инициирования референдума является запрет сбора подписей на рабочих местах, в процессе и местах выдачи заработной платы, пенсий, пособий, стипендий, иных социальных выплат, оказания благотворительной помощи. Данное ограничение препятствует сбору подписей в местах, которые являются наиболее удобными для контакта с гражданами.

В-седьмых, «государство» ограничивает перечень вопросов, выдвигаемых на референдум, подрывая природу института референдума, закрепленную в понятии «народный суверенитет». Российским гражданам-подданным запрещено выносить на референдум вопросы о досрочном прекращении или продлении срока полномочий федерального президента, «нижней» палаты Федерального Собрания РФ, о проведении досрочных выборов Президента РФ и депутатов Государственной Думы РФ, либо о перенесении сроков проведения таких выборов; об избрании, о назначении на должность, досрочном прекращении,

---

<sup>‡</sup> Данная проблема применительно к региональным и местным референдумам решается предоставлением права инициативной группе заключать с лицами, осуществляющим сбор подписей избирателей, соответствующий договор, однако остается нерешенной в процессе инициирования федерального референдума.

приостановлении или продлении полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации о досрочном прекращении или продлении срока полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления, о приостановлении осуществления ими своих полномочий, а также о проведении досрочных выборов в органы государственной власти субъекта РФ, органы местного самоуправления, либо об отсрочке указанных выборов; о персональном составе региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления; об избрании депутатов и должностных лиц, об утверждении, о назначении на должность и об освобождении от должности должностных лиц, а также о даче согласия на их назначение на должность и освобождение от должности. Рассматриваемые ограничения ведут к конфликту между «государством» и населением. Так, в 2013 году жители Омской области предприняли попытку проведения референдума по вопросу о структуре ОМСУ на территории региона, но получили отказ «государственных» органов в инициировании референдума. В своем определении по данному вопросу Конституционный Суд РФ установил, что вопросы определения внутренней структуры органов местного самоуправления могут решаться на уровне муниципальных депутатов [28]. Учитывая то, что местное самоуправление не относится к органам «государственной власти», а референдумы являются высшей формой проявления народного суверенитета, данные ограничения сомнительны с точки зрения демократических практик и демонстрируют негативное отношение «государства» к институту референдума. Данное замечание следует отнести и к запрету на отзыв населением с помощью референдума должностных лиц, благодаря чему последние получают возможности для бесконтрольного правления. Попытка инициирования референдума в 2015 году по вопросу ответственности «государства» за проводимую в стране политику закончилась уголовными делами относительно их инициаторов, которые были обвинены в организации экстремистского сообщества.

В-восьмых, «государство» чрезмерно политизирует процедуру назначения референдума. Политизация достигается вовлечением в процесс инициирования федерального референдума регионального и

федерального парламента, «главы государства», Правительства РФ и ЦИК РФ, то есть политических акторов, с правовой стороны, не наделенных функциями конституционного судопроизводства<sup>§</sup>.

В-девятых, возможностью федерального президента, заблокировать проведение федерального референдума через Конституционный Суд РФ: «глава государства» не позднее чем через 10 дней со дня поступления документов, на основании которых назначается референдум, направляет их в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии Основному закону РФ инициативы проведения референдума по предложенному вопросу (предложенным вопросам) референдума. При этом Президент РФ не лишается права обращения в Конституционный Суд РФ в случае, если последним уже выносилось решение по вопросам выдвижения процедуры референдума, что в условиях функционирования судебной «вертикали» создает возможности давления на орган конституционного судопроизводства.

Следует обратить внимание также на следующее обстоятельство, подчеркивающее место института референдума в российской политике – Российское «государство» обременяется обязанностью выносить на референдум только вопросы: а) связанные с принятием Основного закона страны, б) предусмотренные международным договором Российской Федерации.

И, *experimentalucifera*. Несмотря на ряд недостатков [51, с. 3], референдумы часто используются в западноевропейских странах, напоминая государству об его обязательствах перед обществом и заставляя его искать сближение с народом [15, с. 238]. Так, в Швейцарии референдум стал неотъемлемым атрибутом политической жизни и важнейшим средством решения государственных и общественных задач [10, с. 6]. В США, Нидерландах, Канаде референдумы используются на региональном уровне, позволяя обеспечивать

---

<sup>§</sup> Данные органы получают возможность создать согласительную комиссию по разрешению спора о компетенции в связи с выдвижением референдума, оставляя при этом право разрешения вопроса о регистрации инициативной группы по проведению референдума законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта РФ – одному из слабых звеньев в российской моноцентрической конструкции.

баланс в системах несущих основную политическую нагрузку, хоть и не могут в полном объеме являться *exemplum* [50, с. 4–5]. Население «старых» демократий могут выносить на референдум широкий круг вопросов. Например, швейцарцы на местный референдум, как правило, выносят вопросы: а) принятия или изменения учредительного акта муниципального образования; б) изменения границ коммуны; в) принятия муниципальных нормативных актов; г) заключения межмуниципальных договоров и участия в ассоциациях; д) доходов и расходов из муниципального бюджета, иные вопросы распоряжения муниципальной собственностью, в том числе муниципальными предприятиями; е) созыва и роспуска коллегиального представительного органа местного самоуправления [13].

Институт **обращения** граждан также нельзя отнести к разряду контрольных [32]. В кратологической парадигме работа по рассмотрению обращений и жалоб граждан выгодна «государству», так как усиливает его арбитражный потенциал и способствует патернализации социума. К тому же большинство обращений не связано с политическим контролем и имеют утилитарный характер.

С процессом укрепления «вертикали власти» количество обращений, направляемых Президенту РФ, выросло. Как отмечает К. В. Подъячев: «... нельзя не отметить и такой тенденции, как постепенный неуклонный рост количества обращений на имя Президента РФ ... и одновременное снижение, хотя и намного более медленное, количества обращений в Правительство.<...>по мере усиления государства у граждан стала появляться уверенность в том, что власть (по крайней мере, верховная власть в лице Президента) способна помочь им в решении наболевших проблем, и они стали всё активнее обращаться к ней» [Ibid]. Увеличение обращений, направляемых «главе государства», может свидетельствовать об интуитивном понимании гражданами-подданными сущности процессов «вертикализации» политических отношений, раскрывающейся в снижении эффективности политических структур низового уровня. При этом наблюдается следующая картина: количество обращений Президенту РФ резко возрастает после «выборов», когда пост занимает новый (новый-старый) государь, что обусловлено эффектом «ожидания», – граждане-подданные рассчитывают на то, что «глава государства»

в начале деятельности будет более чувствителен к их проблемам. Эффект ожидания свидетельствует как о «президентской перегрузке»\*\*, так и о сохранении патерналистских настроений в обществе, ориентации населения на сакрализованного лидера, а не на собственные ресурсы, низведении контроля за функционированием политических институтов до решения частных проблем и «прошений», нацеленных на обеспечение удовлетворения минимальных потребностей индивидов.

В уставах многих государственных и муниципальных образований предусмотрено право граждан на участие в **обсуждении проектов региональных законов, городских нормативных правовых актов, проектов планов и программ социально-экономического развития территорий, бюджетов и т. д.**, которое также следует рассматривать в рамках реализации ими «контрольных» полномочий.

Анализ практики реализации данных мероприятий свидетельствует о слабой заинтересованности их проведения как со стороны «учреждений», так и населения. Отсутствие большого интереса к подобным акциям со стороны «государственных» и муниципальных органов может быть продиктовано тем, что их представители-служащие суверену не желают предстать перед общественностью в качестве подотчетных или, в крайнем случае, «обвиняемых», снизить до уровня служителей населения. В тоже время «граждане» сами не испытывают заинтересованность в каких-либо контактах с представителями государевых «учреждений», а к эффективности «всесословных собраний» проявляют скепсис. В значительной степени скептическое отношение населения к обсуждению проектов региональных законов, городских нормативных правовых актов, проектов планов и программ социально-экономического развития территорий, бюджетов и т. д. связано с процессом «вертикализации» российской политики, усилившим их легитимирующую и пропагандистскую сущность<sup>††</sup>.

---

\*\* Данный термин мы применяем по аналогии с термином «правительственная перегрузка», использованного Э. Кингом и Р. Роуз [49].

†† Отчетливо пропагандистская сущность данного института проявилась в процессе введения института «сити-менеджера».

В этой связи обратимся к выводам диссертационного исследования А. А. Стародубова, отмечающего не только низкую репрезентативность, несовпадение целей взаимодействия участников общественных слушаний, но и скудость коммуникации общественных слушаний, которые «не поощряют участие граждан в социально-политической жизни, предоставляют им мизерные возможности влияния на процессы принятия общественно значимых решений, воспроизводят социальную напряженность и отчуждение» [42, с. 18].

Институт **отзыва депутатов и других выборных лиц** в течение последнего времени претерпел существенную трансформацию и *de facto* был ликвидирован. Депутат, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо местного самоуправления, может быть отозван только в случае признания его конкретных противоправных решений или действий (бездействий) в судебном порядке, при выражении ему недоверия не менее половины «избирателей», зарегистрированных в муниципальном образовании (избирательном округе). Схожий механизм действует и в отношении отзыва главы субъекта РФ, лишая права граждан-подданных отозвать главу исполнительной власти региона. Установленные требования по отзыву должностных лиц не идут в сравнение с результатами голосования и являются завышенными: на прошедших 14 октября 2013 года «выборах» глав регионов, последние набрали голосов меньше, чем установленные законом требования в отношении института отзыва. Так, на выборах в Белгородской области явка составила 47,89 %, результат Е. С. Савченко – 77,85 % голосов; в Брянской области явка составила 34,36 %, результат Н. В. Денина – 66,67 % голосов; в Новгородской области явка составила 30,10 %, результат С. Г. Митина – 75,95 % голосов; в Амурской области явка составила 33 %, результат О. Н. Кожемяко 77,3 % голосов; в Рязанской области явка составила 34,99 %, результат О. И. Ковалева 64,76 % [9, с. 75-77].

Институт **ропуска представительных коллегияльных органов населением не предусмотрен** ни на федеральном, ни на региональном и местном уровнях, что не позволяет «гражданам» противостоять корпоративным интересам «народных представителей».

Невозможность полноценного контроля за «государственными» и муниципальными органами со стороны населения ведет к



естественному снижению эффективности функционирования управленческих структур и к появлению протестного движения.

**Протестное движение** можно рассматривать как крайнюю легитимную форму гражданского участия, используемую для донесения до государства информации о проблемах граждан и защиты их политических прав. Как указывают Д. Коэн и Э. Арато, «требования отдельных лиц по поводу соблюдения их основных прав останутся не услышанными, если они не будут поддержаны публичными дискуссиями, собраниями и, во многих случаях, общественными движениями, практикующими гражданское неповиновение» [14, с. 506].

Значительную работу по исследованиям протестного движения в России провели российские исследователи Д. Н. Верхотуров и К. В. Подъячев [6; 33]. В своих работах, исследователи социальных протестов указывают, что активное протестное движение в России началось с проведением политики монетаризации льгот в 2004 году, а после 2005 года протесты начали приобретать институциональные формы, функционально ориентированные на защиту прав дольщиков, защиту экологических объектов, недопущение ограничения ввоза и эксплуатации «праворульных» автомобилей и разрушения исторических построек в городах и т. п.

Занепало большинство протестных движений, сформировавшихся в 2005 году, а также «новых» движений и сегодня сохраняют раздробленный характер и институциональную неоформленность – не имеют лидеров, не координируются из единого центра, работа активистов осуществляется «от случая к случаю», активисты подвержены внешнему воздействию, большую их часть можно нейтрализовать разовыми уступками, административным воздействием, материальной «помощью». Многие из активистов протестов не верят, что могут достигнуть поставленной цели.

В статье «Протестное движение в России "нулевых": генезис и специфика» К. В. Подъячев акцентирует внимание на интенсивность протестного движения в 2007 году, а также на виды протестов [33]. Проведенный исследователем приблизительный расчет числа протестных акций демонстрирует готовность россиян бороться не с причинами, вызывающими проблемы, а с их следствием; традицион-

ное дистанцирование населения от всего политически организованного, связанного с контролем за деятельностью «государства».

Данное заключение подкрепляется исследованием в экспериментальном регионе (Таблица 2)<sup>\*\*</sup>.

Таблица 2.

**В каких акциях протеста Вы согласились бы принять участие? Необходимо расставить предпочтения – баллы от 0 до 5**

Вид протеста	Сумма баллов/ Средний балл**	
	Май 2015	Апрель 2016
1. Бытовые протесты (ЖКХ, транспорт и т. д.)	929/3,13	732/2,53
2. Экологические протесты	910/2,97	808/2,79
3. Протесты в сфере трудовых отношений	892/2,92	817/2,82
<b>4. Политические протесты (ограничение политических прав и свобод)</b>	<b>613/2,00</b>	<b>500/1,72</b>
5. Национальные протесты	446/1,46	335/1,16
6. Религиозные протесты	323/1,06	207/0,71
7. Иные протесты (чел.)	0/0,00	1*/0,00
8. Ни при каких обстоятельствах участвовать в акциях протеста вне зависимости от вида не буду (чел.)	35/11,44	29/10
9. Затрудняюсь ответить (чел.)	12/3,92	7/2,41
10. Отказ ответить (чел.)	25/8,17	12/4,14

\* против гей-парадов; для пунктов \*\* 8,9,10 – процент респондентов.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что граждане России небезразличны к **трудовым, экологическим** и так называемым **«бытовым протестам»**, охватывающим

---

<sup>\*\*</sup> Массовые опросы проводились в Амурской области в мае 2015 (первая волна, опрошено 306 респондентов) и в апреле 2016 года (вторая волна, опрошено 290 респондентов). Выборка респондентов случайная. Статистическая погрешность не более 3 процентов.

довольно широкий спектр проблем – от повышения цен на продовольствие до самоуправления административных органов и т. п. Интерес к **политическим протестам** проявляют немногие. В течение последних лет в политическом пространстве России прошли протесты «Марш несогласных» (позднее «Стратегия 31») и «За честные выборы», объединившие представителей различных политических сил и отдельных граждан, считающих недопустимым авторитаризацию политического климата России, выступающих за прекращение цензуры, отмену дискриминационных «новаций» в избирательном законодательстве, освобождение политзаключенных и т. д.

«Марш несогласных» впервые был инициирован ОГФ в декабре 2005 года и приурочен ко «Дню Конституции РФ». Часть акций вызвала общественный резонанс, как в силу массовости, так и подавления со стороны ОМОНа. В течение 2005–2008 годов «Марши несогласных» были проведены более чем в 20 городах России и, в дальнейшем, к 2009 году, трансформированы в «Дни несогласных». Вместе с тем, «Марши несогласных» как форма выражения гражданской позиции [19] так и не вызвала интереса у населения: более половины (от 51 % до 66 %) респондентов ничего не слышали о маршах; от 19 % до 34 % – к ним отнеслось с безразличием; с одобрением - от 6 % до 30 %; с неодобрением – от 3 % до 27 % [1; 2; 3; 17; 30]. Схожие результаты дает анализ протестов «За честные выборы»: слышало о них около 30 % респондентов, одобряют - 22 %, большинство относится к ним безразлично [18].

По данным, полученным в экспериментальном регионе, не более 10 % населения выражают возможность участия в политических протестах. Сложившаяся ситуация не свидетельствует о назревании «революционной обстановки» в России не только по причине слабого интереса населения к политическим протестам, но и в силу того, что при оценке способностей людей включиться в протестные действия нельзя исходить из декларируемой ими готовности участвовать в протесте. Личный опыт участия в протестных действиях, – отмечается в исследованиях Института социологии РАН – имеет очень небольшая часть населения – около половины (53 %) от заявляющих участвовать в подобного рода акциях [11, с. 123]. Политическая протестная деятельность в

России связана с существенными издержками, оказывающими для большинства населения непомерно затратными.

Таким образом, россияне не расположены использовать протестные акции как форму контроля за деятельностью «государства», тем более выдвигать на них политические требования. Чаще всего они демонстрируют готовность к диалогу с Левиафаном, требуя переговоров с должностными лицами, после встреч с которыми, или хотя бы частичного удовлетворения требований, как правило, предпочитают закончить акцию.

Казуальный характер протестов проявляется не только, когда *stato* прямо не связано с нарушителями «социальной справедливости»<sup>§§</sup>, но и когда является инициатором несправедливых решений. Например, протесты дальнбойщиков 2015 году, связанные с введением системы «ПЛАТОН», вводимой при содействии В. В. Путина, резко пошли на спад после частичного удовлетворения требований протестующих – снижения тарифа с 3,73 рублей до 1,53 рубля за километр трассы; протесты дальнбойщиков 27 марта 2017 года также не привели к удовлетворению их требований.

Немаловажную роль в возможности россиян использовать протест как форму контроля за деятельностью «государства» играет тактика самого «государства». Следует заметить, что «государство» в редких случаях идет на удовлетворение требований протестующих<sup>\*\*\*</sup>, что связано с авторитарным паттерном политической культуры россиян – уступки воспринимаются населением как слабость, а последняя несовместима с феноменом «власть». Конструктивный диалог с протестующими, как правило,

---

<sup>§§</sup> Протесты против недобросовестных застройщиков жилья заканчивались всегда после встреч митингующих с главами субъектов РФ, их заместителями, или руководителями муниципальных образований – обещаний представителей власти хватало до следующего протеста, после которого ситуация повторялась.

<sup>\*\*\*</sup> Так, О. Радько отмечает: «...повышение транспортного налога или цены билета на электричку мотивировалось необходимостью компенсировать затраты или заткнуть бюджетную дыру. Однако, видя протесты населения, государство моментально отказалось от повышения налогов и цен, быстро найдя другие источники доходов» [36].

исключение из правил. В подавляющем большинстве случаев «государственные» органы и ОМСУ предпочитают акции: а) не замечать и блокировать их информационно (информация о много-тысячной антикоррупционной акции 26 марта 2017 года, прошедшей более чем в 80 городах России и протестах дальне-бойщиков против системы «ПЛАТОН» 27 марта 2017 года не упоминалась ни одним центральным телеканалом); б) предупредить созданием препятствий для их проведения, например, организацией на том же месте альтернативной «провластной» акции, концерта, ярмарки и т. п.; в) купировать с помощью обещаний расследования случаев нарушения законности (создания специальных комиссий, приглашения экспертов и т. п.)<sup>†††</sup>; г) разрушить организационно с помощью сепаратных переговоров с лидерами оппозиционных групп; д) не допустить, блокированием места проведения акции, задержанием основных лидеров движений ещё на подходе, что можно было наблюдать на примере «Маршей несогласных», «Тракторного марша» и т. п.

Физическое подавление «государство» применяет редко, но отчетливо наблюдается тенденция применения силы к протестующим в дальнейшем. Так, если «силовое регулирование» протестов в основном применялось к участникам акции «Марш несогласных»; демонстрантам акции «За честные выборы»; митингующим автомобилистам во Владивостоке, заставивший участников протеста выдвинуть требования официального признания России фашистским государством; мирно митингующим против коррупции и терроризма жителей Назрани и др., то в настоящее время практически ко всем выражающим несогласие. Формирование «государством» иллюзий готовности идти на уступки или встать над «схваткой» ушли в прошлое, уступив место «оперативному реагированию» репрессивных органов – от судов и полиции до различного рода патриотических групп. Первые (суды) выносят неправомерные решения и необоснованно используют насилие (полиция) [4; 23; 34], вторые – нападают на представителей

---

<sup>†††</sup> Результат предсказуем: через несколько лет будет вынесен вердикт: никаких нарушений не было, государство или силовые структуры действовали строго по закону.

оппозиции. На основании изложенного можно сделать вывод, что готовность «государства» к переговорам в большинстве случаев ниже, чем у участников протестов.

Сегодня можно говорить о том, что в России протестное движение продолжает приобретать институциональный характер, в протесты вовлекаются новые уровни политики, в частности муниципальные. Показательным в данном плане является объединение в марте 2016 года нескольких протестных групп на юго-западе Москвы в движение «Комитет-42», выступающее против точечной застройки. Однако, вряд ли можно согласиться с Е. М. Шульман, что нарастающие социальные протесты – это в полном смысле политические протесты [37], скорее они представляют собой способ донести до суверена информацию о критическом положении соответствующей социальной группы, получить помощь от «добротого царя» в разрешении накопившихся проблем.

Нельзя сказать, что суверен-государство и бюрократия на местах не обеспокоены протестным движением<sup>+++</sup>. В условиях декларативности демократии и гибридности режима *stato* усиливает давление на протестующих. В арсенал методов нейтрализации протестного движения, кроме силового регулирования, входят и другие способы – стимулирование апатии населения ко всему политическому, незаконное несогласование акций, перенос реализации требований на будущее, игнорирование протестов, а также дискредитация оппозиции связями с Западом, усиление пропаганды и запугивание населения [20]. Арсенал используемых методов, с точки зрения «государства», дает положительный эффект, но объективно загоняет ситуацию в тупик. В данном случае показательны результаты опроса в экспериментальном регионе.

---

<sup>+++</sup> Хотя обеспокоенность «государства» представляется минимальной. Все более частое использование силовых способов подавления акций протестов, очевидно, внушает «государству» превосходство перед населением, а население, в тоже время, демонстрирует покорность, укладывающуюся в некрасовский тезис, запечатленный в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:  
 Люди холопского звания -  
 Сущие псы иногда:  
 Чем тяжелей наказания,  
 Тем им милей господа[22].

Если в мае 2015 года готовность участия респондентов в политических протестах оценивалась в 2,00 балла из 5,00 возможных, то в апреле 2016–1,72 (См. Таблицу 2.).

К тому же «государство» эффективно формирует неблагоприятную для протестов среду с помощью механизмов депривации. Данный процесс осуществляется, во-первых, с широким использованием кинематографа: демонстрации фильмов о «лихих 90-х» и «славном советском прошлом», проведения парадов в духе советского периода, стимулирующих отказ населения от демократической трансформации и препятствующих осознанию людьми критического советского прошлого, или, в лучшем случае, переводящих критическое осмысление истории в формат ностальгии. Во-вторых, с помощью ограничения возможности получения людьми знания в сфере развития социально-политических систем зарубежных стран и демонстрации «кризиса» европейской и американской цивилизации. В-третьих, создания иллюзии выхода из «кризиса», при витализации в сознании населения скорого роста его благосостояния – «надо лишь немного потерпеть».

В результате, население демонстрирует поразительную терпеливость, неадекватно оценивает собственное социально-экономическое положение – «свое материальное положение считают «средним» более половины (54 %) тех, кому хватает денег только на еду, когда покупка одежды вызывает затруднения и 80 % тех, кому хватает на еду и на одежду, когда товары длительного пользования недоступны», что приводит к неучастию населения в протестах, когда они становятся вероятными [11, с. 121].

О слабой вероятности трансформации бытовых протестов в политические, свидетельствуют и выводы проф. Н. Е. Тихоновой, которая исследовав российских модернистов и постмодернистов пришла к выводу, что даже данные группы российского социума, являющиеся движителями демократической модернизации, в своем большинстве не разделяют базовые демократические ценности, ориентированы на утилитарный характер отношений с «государством» и участие в «движениях одного требования» [43, с. 50-51]. Очевидно, что Н. Е. Тихонова делает выводы в отношении невозможности демократической трансформации («демократической революции») в России, но возможна ли в «стране революций»

«революция авторитарная»? Представляется, что в ближайшей перспективе – нет. Традиционалистские этакратические протесты способны лишь вызвать ускорение гибридации авторитарного «государства» и усилить ресентимент. Вместе с тем и данный вывод не так однозначен – с одной стороны, россияне продолжают пребывать в состоянии летаргии, массовая волна восстаний сомнительна даже в условиях кризиса, а вероятные очаговые, точечные выступления, не поколеблют систему; с другой стороны, в социуме продолжает созревать установка на необходимость трансформации [16].

Отказ большей части населения от участия в контроле за «государством», фантомность «гражданского контроля» ведут к негативным последствиям как для суверен-государства, так и для населения в долгосрочной перспективе. Последствия безответственности населения за происходящий процесс в России известны. Самые драматичные из них – Великая Октябрьская социалистическая революция и крах Советского Союза. Трагедии вызревали десятилетиями и были неразрывно связаны с неспособностью населения обуздать самодержавное государство, с безответственным доверием Левиафану. Рассчитываться пришлось в полном объеме: советский режим унес более 20 миллионов человеческих жизней, исковеркал судьбы сотен миллионов людей; в результате краха Советского Союза миллионы людей оказались «травмированы», сотни тысяч пострадали в локальных войнах и в криминальных происшествиях; оказавшийся в аномийном состоянии социум начал вырабатывать механизмы примитивной адаптации [47, с. 38–45], в лучшем случае, тормозящие его развитие и усиливающие негативное влияние внешней среды. Однако, несправедливо было бы считать, что протесты в России не имеют тенденцию к медленному росту и не приобретают идеологические черты, тесно связанные с либеральной доктриной – ограничение прав и свобод населения неминуемо приводит к их защите последним.

### **Вывод**

Институт гражданского контроля в России существует формально, имеет вертикальную направленность «сверху–вниз» и



является пародией на гражданский контроль, характерный для демократических стран; слабая горизонтальная коммуникация между гражданскими агентами в *summasummarum* также подчинена *Regis voluntas*. Декларированные политические права в сфере контроля нуллифицированы как законодательной нормой, так и соответствующей политической, экономической и социокультурной средой. Наблюдается усиление тенденции противостояния государства и его «учреждений» гражданским активистам как с помощью принятия нелегитимных решений, так и использования репрессивных практик и запугиваний. Нарастающая разбалансированность системы «государство – "граждане"» усиливает процессы негативной политической нестабильности в России.

---

1. 18 мая 2007. «Марши несогласных» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/press/2007051801.html>.

2. 26 апреля 2007, опрос населения «Марши несогласных». [Электронный ресурс] // URL: [http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0717/domt0717\\_3/-d071721](http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0717/domt0717_3/-d071721).

3. 29 марта 2007. Оппозиционные протесты [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/press/2007032902.html>.

4. Антиэкстремизм в виртуальной России в 2014–2015 годы [Электронный ресурс] // URL: <https://zona.media/article/2016/28/06/sova-center>.

5. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. Бердяев. – М.: Советский писатель, 1990. – 346 с.

6. Верхотуров Д. Н. Социальный протест в современной России. [Электронный ресурс] Д.Н. Верхотуров // URL: [http://www.zlev.ru/131/131\\_36.htm](http://www.zlev.ru/131/131_36.htm).

7. Волков В. Донос как механизм мобилизации права. Как фейковые «жалобы» имитируют активность гражданского общества и легитимизируют правоприменение [Электронный ресурс] / В. Волков // URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/14/669681-donos-mehanizm-mobilizatsii>.

8. Встреча со студентами факультета журналистики МГУ [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/news/14366>.

9. Выборы в субъектах Российской Федерации 14 октября 2013 года. Электоральная статистика. – М.: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2013. – 224 с.

10. Демидов В. Швейцария – страна референдумов. – Прямая демократия / В. Демидов // – № 5 (100). – 25 марта – 07 апреля 2013. – С. 6.

11. Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива: Научно-аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – 185 с.

12. Игнатов В. Д. Доносчики в истории России и СССР [Электронный ресурс] В.Д. Игнатов // URL: <http://coollib.com/b/284416/read>.

13. Кочерга А. В. Прямое волеизъявление народа как основа конституционного строя в Швейцарской Конфедерации: автореф. к. юр. н. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2008 [Электронный ресурс] / А.В. Кочерга // URL: <http://refdb.ru/look/2717000-pall.html>.

14. Коэн Д. Л. Гражданское общество и политическая теория // Д.Л. Коэн, Э. Арато; [пер. с англ.]. – М.: Весь мир, 2003. – 784 с.

15. Курти Ф. История народного законодательства и демократии в Швейцарии. / Ф. Курти, пер. и предисл.: Г. Ф. Львович – СПб.: Знание, 1900. – 248 с.

16. Лилия Шевцова о «конце российского самодержавия». [Электронный ресурс] // URL: <http://ehorussia.com/new/node/12874>.

17. «Марши несогласных»: кто, зачем и почему? – пресс-выпуск ВЦИОМ. – № 690 [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8180.html>.

18. «Митинги «за честные выборы»: есть ли у них будущее?» ВЦИОМ. Пресс-выпуск. – № 1983, 22.03.2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112619>.

19. Михаил Деягин: Благодаря Маршу несогласных, граждане России отстаивали одно из гарантированных Конституцией прав — право на мирное шествие – передача «Время Свободы» на радио «Свобода», 11 июня 2007. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript-397195.html>.

20. Нам так и говорили на ленточках: «Делайте больше ада!». Сотрудники федеральных каналов рассказали о пропаганде на телевидении: Colta. [Электронный ресурс] // URL: <https://meduza.io/feature/2015/08/07/nam-tak-i-govorili-na-letuchkah-delayte-bolshe-ada>.

21. Нахамкин В. А. Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) / В. А. Нахамкин // Историческая психология и социология истории, 2014. – № 2. – Т. 7. – С. 63–79.

22. Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений. Том 3/ Полное собрание сочинений в трех томах, тт. 1–3. –Л.: Советский писатель, 1967. [Электронный ресурс] / Н. А. Некрасов // URL: [http://az.lib.ru/n/nekrasow\\_n\\_a/text\\_0030.shtml](http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/text_0030.shtml).

23. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в 2016 году [Электронный ресурс] // URL: <http://www.sova-center.ru/misuse-publications/2017/03/d36651/>.

24. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. – 180 с.

25. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пенсионного обеспечения некоторых категорий граждан»: Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 173-ФЗ // Российская газета–Федеральный выпуск. – № 6715 (144).

26. «О референдуме Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 – № 5 – ФКЗ (ред. 22.12.2008) // Собрание законодательства РФ, 05.07.2004. – № 27. – Ст. 2710.

27. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Федеральный закон от 12.06.2002. – № 67–ФЗ (ред. от 03.02.2015) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=174896>.

Первоначальный текст опубликован в «Собрании законодательства РФ», 17 июня 2002. – № 24. Ст. 2253.

28. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Д. В. Колодежного и Д. А. Передельского на нарушение их конституционных прав статьей 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»»: Определение Конституционного Суда РФ от 09.12.2014. – № 2744 – О. [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412230054>.

29. Общество слабо контролирует действия властей – 42 % россиян. Каким образом граждане России могут сейчас скорее всего добиться решения своих проблем? [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/08-11-2012-obshchestvo-slabo-kontroliruet-deistviya-vlastei-42-rossiyan>.

30. Оппозиция разочарована итогами «Маршей несогласных» – пресс-выпуск ВЦИОМ. – № 724 [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru-arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8462.html>.

31. Петро Н. О концепции политической культуры, или Основная ошибка социологии / Н. Петро // ПОЛИС: Политические исследования. – 1998. – № 1. – С. 36–51.

32. Подъячев К. В. Отражение реальных проблем населения в обращениях граждан в органы власти (Доклад представлен на круглом столе ВСК № 22 «Местные сообщества и местная власть: типы взаимодействий, способы принятия решений, достигаемые результаты» [Электронный ресурс] / К. В. Подъячев // URL: [http://www.isras.ru/publications\\_bank/1227707195.pdf](http://www.isras.ru/publications_bank/1227707195.pdf).

33. Подъячев К. В. Протестное движение в России нулевых»: генезис и специфика // Вестник Института социологии. – 2012 (декабрь). – № 5.– С. 145–163 [Электронный ресурс] / К. В. Подъячев // URL: [http://www.perspektivy.info/book/-protestnoje\\_dvizhenije\\_v\\_rossii\\_nulevyh\\_genezis\\_i\\_specifika\\_2013-03-19.htm](http://www.perspektivy.info/book/-protestnoje_dvizhenije_v_rossii_nulevyh_genezis_i_specifika_2013-03-19.htm).

34. Политические репрессии в России в 2011—2014 годах: уголовные преследования. [Электронный ресурс] // URL: <http://reports.ovdinfo.org/2014/cr-report/>.

35. Поправки в Конституцию. Выборы губернаторов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/20-11-2008/popravki-v-konstitutsiyu-vybory-gubernatorov>.

36. Рядько О. Протесты граждан России провоцируют чиновники. [Электронный ресурс] / О. Рядько // URL: <http://www.city-n.ru/view/140567.html>.

37. «Россия в апатии». Почему кризис не стал поводом для массовых акций протестов [Электронный ресурс] // URL: <http://rus2web.ru/speczmaterialy/rossiya-v-apatii.html>.

38. Россияне о честности прошедших выборов и акциях протеста [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/01-02-2012/rossiyane-o-chestnosti-proshedshikh-vyborov-i-aktsiyakh-protesta>.

39. Руководящая роль КПСС в развитии советской демократии // Советское государство и право. – 1961. – №10. – С. 3 – 12.
40. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права: Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Канон-пресс, Кучково поле, 1998. – 416 с.
41. Сословская Е. Л. Непосредственная демократия (швейцарский феномен) / Е. Л. Сословская // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2002 – № 1. – С. 90–92.
42. Стародубов А. А. Публичные слушания как форма общественно-политического участия населения современной России: социологический анализ: дисс... к. соц. н. / А. А. Стародубов. – Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 2009. – 167 с.
43. Тихонова Н. Е. Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики в России. Статья 1. / Н. Е. Тихонова // ОНС: Общественные науки и современность. – 2012. – № 2. – С. 38–52.
44. Токвиль А. де. Демократия в Америке / А. де. Токвиль; [пер. с франц. предисл. Гарольда Дж. Ласки]. – М.: Весь Мир, 2000. – 559 с.
45. Трофимов Е. А. Проблемно-праксиологические аспекты реализации гражданами РФ права на референдум: политологическое исследование / Е. А. Трофимов // Право и политика. – 2015. – № 4. – С. 539–544 [Электронный ресурс] // URL: [http://www.nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=33173](http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=33173).
46. Участие россиян в политической жизни страны в 2013 году: Исследование ВЦИОМ [Электронный ресурс] // URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/04/03/5773>.
47. Федотова В. Г. Русская апатия как противостояние хаосу / В. Г. Федотова // Политический класс.– 2005.– № 1. – С. 38–45.
48. Черкаев Д. И. Доносительство и сигнализирование: зло или благо для российских компаний? / Д. И. Черкаев // Акционерное общество.–2006. – № 3 (22) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.incorpore.ru/ru/materials/our/korp/-material27.html>.
49. Challenge to Governance: Studies in Overloaded Polities. – London and Beverly Hills: Sage Publications, 1980.
50. Of the People, By the People, For the People. – 6 p.
51. Patton D. The Initiatives and Referendum Process in Utah by W. – The University of Utah, 2007. – 4 p.